

этих совпадений менее доказательно, так как они являются общими местами агиографической схемы и могли проникнуть в повесть о королевиче Бруне независимо от житийных переводов Арсения Грека. Укажем еще, что в нашей редакции обычный узелок с перстнями заменен «червленым обвителим» или «обвивою»; в Анфологионе: «... (Алексей) обвив перстень и пояс свои, яже бяху многоценныя вещи, даде я отроковице» (стр. 11). Общий художественный образ — «река слез» («яко реку испущаше слезы», «велию реку излия слез» — повесть о Бруне; «омываше я рекою слез своих», — Анф., стр. 32) в житии Алексея развит в обращение: «о источницы и моря, взаимодейдите воду главе моеи и дадите очима моима толико слез, да возмогу плакати злополучение мое ко удовлению» (Анф., стр. 34). Жена Алексея «яко новая Руфь не восхоте ити в дом отца своего...» (Анф., стр. 19); точно так же Мелеония, очутившись в аналогичном положении, «яко новая Руфь, нача по намерению своему до Ишпании путь искати».

После этих несомненных доказательств пользования Анфологионом, естественно, возникает вопрос: нельзя ли перевод повести приписать Арсению Греку? Думается все же, что такое заключение было бы слишком поспешным, так как для заимствования из жития Алексея человека божия нет необходимости быть переводчиком его. Правда, нельзя отрицать того, что общий строй речи в Анфологионе 1660 г., Скрижали 1656 г. и в других переводах Арсения Грека близко подходит к особенностям ее строения в повести о Бруне, но в равной степени это относится и ко второй части рукописного Хронографа Досифея,¹ заведомо переведенной не им. Приведем несколько примеров архаичных грамматических форм: «архиерей вземлет камения своима рукама и полагает во основание» (церкви) — Скрижаль, стр. 17; «Отнеле же познаста себе (Адам и Ева) яко обнажистася, взяста от оныя (смоковницы) листови и сшиста одежду и наложиста на тело свое» — Хронограф, л. 18; «Царьствующу Давиду царю бысть брань еллинов с троияны» — Хронограф, л. 120; «... и тако вергоша его в лес и обретоша его пастуси, иже пасяху овцы, и взяша его, и воспиташа и положиша имя его Парис» — Хронограф, л. 121. Конец «предисловия читателю» в повести о Бруне: «и милостию сицевою, верою и надеждою себе оградивый, душею и телом здравствуй» можно сравнить с таким же пожеланием в предисловии к Хронографу, составленном в 1665 г. после окончания перевода всей книги: «Всем православным и благочестивым христианом, получающим настоящую историчную книгу, здравие и благополучие от христа бога».

Осторожнее будет поэтому говорить сейчас не об определенном имени, а только о близости времени перевода к 1660-м гг. и о том, что для переводчика еще не утратил значения тот художественный канон, образцами которого были переводы Арсения Грека и современных ему переводчиков житийной и богословской литературы. Это тем более правильно, что в повести

¹ Рукопись Ленингр. Гос. Публичной библиотеки F, XV, № 574. Перевод начат Арсением Греком, а в 1663—1665 гг. продолжался Дионисием Греком.